

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

ЭДВАРД
ЛИР

КНИГА ЧЕПУХИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-5
Л 62

Перевод с английского Григория Кружкова
Составление и вступительная статья Ольги Астафьевой
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© О. В. Астафьева, составление, статья, 2022
© Г. М. Кружков, перевод, статья, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-20756-1

ЭДВАРД ЛИР — «ЛАУРЕАТ НОНСЕНСА»

Я вижу жизнь по преимуществу трагической и тщетной, и единственное, что имеет значение, — это шутки.

Эдвард Лир

«Лауреат нонсенса» — таково самоопределение поэта, посмертно получившего еще более высокий титул: обыгрывая шекспировские ассоциации, его называют королем нонсенса — и с полным на то основанием. История жизни Лира — сплошной нонсенс, череда парадоксов и противоречий. С детства страдавший от множества болезней, он дожил до редкого в те годы солидного возраста; неприка-
янный странник, неутомимый труженик, он был убежден, что «нет счастья, кроме покоя»; один из ярчайших выразителей английского духа, 18 лет он прожил в Италии; успешный художник, дававший уроки самой королеве Виктории, он вошел в историю как создатель нового литературного направления и нового жанра, имеющего многочисленных поклонников и подражателей. Да и у самих лимериков, Лиром прославленных и Лира прославивших, судьба полна нелепиц. Хотя честь их изобретения приписывают Лиру, установлено, что он лишь

развил и трансформировал давно существовавшую фольклорную традицию, но лимериками свои забавные пятистишия со строгой рифмовкой не называл. Сам Лир называл их просто нонсенсами, а название «лимерик» понадобилось, чтобы отличить этот жанр от других «нонсенсов», которые писатель позже стал включать в свои книги.

Возникновение нонсенса как литературного феномена принято связывать с Викторианской эпохой, в нонсене видят протест против назидательности, рассудочности и утилитаризма как в культуре, так и в повседневной жизни Великобритании того времени. При всей обоснованности этого подхода несомненно и то, что истоки художественных открытий Э. Лира намного шире и глубже: они связаны и с историей литературы, прежде всего — литературы романтизма, и с историей жизни нашего героя.

Основные вехи своей биографии Э. Лир обозначил сам. Отправляясь в очередное путешествие, в письме к другу он пишет: «Покидая Англию, я хочу оставить тебе на память записку о различных своих изданиях и публикациях, удачных или не очень, равно как и об их датах, чтобы при случае ты мог втиснуть эти сведения в свой блестящий мемуар о своем друге, — если меня угораздит сложить свои кости в Пальмире или еще где-то»¹. Лир, к тому времени уже признанный художник и поэт, имеет основания полагать, что «коль скоро чело-

¹ Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, переводы Г. М. Кружкова.

век всю жизнь хлопочет о чем-то с немалым рвением, а также с некоторой пользой для других, почему бы миру не узнать подробности об этих его рьяных хлопотах и их результатах?» Излагая канву своей жизни, Лир скуп на детали и лишь о начале карьеры художника сообщает колоритные подробности:

«Я родился в 1812 году (12 мая), а рисовать ради хлеба и сыра насущного начал в 1827 году. Сначала я малевал всякие необычные рекламные рисунки для лавок, которые продавал по цене от девяти пенсов до четырех шиллингов, раскрашивал гравюры, каминные экраны и веера, а также делал медицинские рисунки для больниц и частных докторов».

Что могло заставить подростка рисовать столь странные предметы? Эдвард Лир был младшим, двадцатым ребенком в семье биржевого маклера Джереми Лира и его жены Энн Кларк. Утомленная частыми родами и хлопотами, связанными с уходом за детьми, Энн вскоре охладела к слабому и болезненному мальчику. Заботу о младшем брате взяла на себя старшая сестра, тоже Энн. А забот было немало: к проблемам с легкими и глазами вскоре добавилась падучая — так прежде называли эпилепсию. Приступы бывали частыми и мучительными, а за ними наступала депрессия. Природа этого недуга в то время была неясна, его воспринимали едва ли не как проклятие. И впоследствии, когда Эдвард научился предугадывать наступление приступа, в дневнике приближение болезни он называл демоном.

Энн была на 21 год старше Эдварда и сестринские чувства соединила с поистине материнской любовью. Теплая привязанность между ними сохранилась до самого конца: зная брата и сестру в поздние годы шутили, что даже внешне Энн и Эдвард были очень похожи друг на друга — за исключением бороды и очков.

Образование болезненный ребенок получал дома: сестры научили его грамоте, музыке, рисованию. И не просто научили: привили и безупречный художественный вкус, и жажду новых знаний. Трудно поверить, что этот человек, знавший несколько языков, художник, поэт и музыкант, обладавший недюжинными познаниями в разных областях, — систематического образования в детстве не получил.

Взросление Эдварда омрачила семейная катастрофа: после неудачных биржевых операций отец разорился и попал в долговую тюрьму. Мать приложила все силы, чтобы оплатить долги, продала дом, имущество и только через четыре года смогла вызволить мужа. Старшие сыновья были вынуждены искать счастья в чужих краях: двое отправились фермерствовать в Америку, один получил место при христианской миссии в Африке.

К счастью, Энн получила небольшое наследство, а вскоре и Эдвард смог пополнять семейный бюджет. Сестры, научившие его рисовать, поняли: у мальчика обнаружился настоящий талант. «Ради хлеба и сыра насущного» он мог выполнять любые, самые диковинные заказы, от рекламных вывесок

8 до анатомических зарисовок. В тех нонсенсах, ко-

торые позднее будет придумывать Лир, в причудливо одетых персонажах, в их странных кулинарных пристрастиях, в образах деформированного и расчлененного тела, даже в странной географии героев мы можем услышать отзвуки воспоминаний юности.

Впрочем, последующие подробности биографии Лира — тоже без труда — узнаются в его стихах. У многих героев непростые отношения с животным миром, прежде всего с птицами. А дело вот в чем. Обнаружив у брата незаурядные способности к живописи, сестра нашла ему учителя. Им стал Придо Джон Селби — художник и орнитолог. Селби прославился тем, что в своей книге «Иллюстрации по британской орнитологии» первым опубликовал изображения птиц в натуральную величину. Интерес учителя передается ученику, и Эдвард не просто с увлечением выполняет орнитологические иллюстрации для Зоологического общества, он задумывает издать собственную книгу, тоже первую в своем роде.

В 1830 году Лир начинает работу над иллюстрированной энциклопедией попугаев. Вопреки традиции он рисует птиц не только с чучел, но и с живых пернатых — непоседливых, но столь выразительных, передает в иллюстрациях не только цвет и форму оперения, но и характер попугаев. Для своей книги юноша выполнил сотни набросков и рисунков. А использование техники литографии вместо традиционной гравюры существенно ускорило и удешевило процесс: Лир сам создавал иллюстрации по

своим эскизам или сразу на камне. И все равно издание потребовало серьезных финансов. Оно осуществлялось по подписке, среди участников были как официальные учреждения — Лондонское зоологическое и Линнеевское общества, так и знатные покровители натуралистических исследований: президент Общества Линнея лорд Эдвард Смит-Стэнли, герцоги Норфолк и Нортумберленд, граф Эгремонт.

Однако подписка не могла компенсировать все затраты, и чтобы завершить издание, молодой художник был вынужден давать уроки литографии, участвовал в чужих издательских предприятиях. С точки зрения финансов это можно назвать полным провалом. Лир признавался, что проект «в вопросах денег причинил мне значительные убытки». Но с точки зрения признания его как художника он оказался для Лира необычайно успешным.

В 1830 году, сразу после выхода первых частей издания, восемнадцатилетний художник становится ассоциированным членом Линнеевского общества. Его книга — первый альбом с литографическими иллюстрациями, посвященный представителю одного семейства, она обеспечила Лиру славу ведущего художника-натуралиста среди коллег и ученых. Вот что он пишет об этом в письме-биографии: «...в 1832 году напечатал „Семейство попугаевых (Psittacidae)“ — насколько я знаю, первый полный альбом цветных рисунков птиц в таком большом масштабе, опубликованный в Англии».

Поступают новые заказы, Лира приглашают к сотрудничеству известные в Англии орнитологи и анималисты, о чем он не без гордости сообщает в ци-

тируемом письме: «Книга Дж. Гулда „Индийские фазаны“ была начата в то же самое время, а вскоре после этого он привлек меня к рисованию европейских птиц, причем я помогал миссис Гулд рисовать передние планы, как может заметить каждый, кто глянет на мои рисунки в „Европейских птицах“ и „Туканах“ Гулда. <...> Я также делал литографии на разнообразные темы, и в частности большую серию черепах (Testudinata) для профессора Белла, а также рисунки для „Британских млекопитающих (British Mammalia)“ Белла и для нескольких томов „Библиотеки натуралиста“ — Попугаев, Котов и, кажется, Обезьян».

Но пожалуй, самым важным в судьбе Лира стало предложение президента Линнеевского общества лорда Стенли, в будущем тринадцатого графа Дерби. Он пригласил молодого художника запечатлеть коллекцию животных, собранную в его поместье Ноусли-Холл в Ланкашире, близ Ливерпуля. Это был один из крупнейших частных зверинцев в викторианской Англии: на момент смерти графа там было 1272 птицы и 345 млекопитающих. Об этом важном периоде своей жизни в письме-биографии Лир пишет сдержанно: «С 1832 по 1836 год, когда мое здоровье несколько ухудшилось, я много рисовал в поместье графа Дерби, серия моих рисунков была опубликована доктором Греем из Британского музея — эта книга сейчас редкость».

Из других писем мы знаем, что граф был не просто заказчиком. Он искренне привязался к молодому художнику и стал на многие годы его другом

и покровителем. Лир приобрел в высшем свете немало друзей: и поклонников своего таланта, и спутников в путешествиях. Многолетняя дружба свяжет его с Чичестером Фортескью, будущим пэром, лордом Карлингфордом, их интенсивная переписка, длившаяся до самой смерти Лира, — бесценный источник сведений о поэте и художнике. Подружился Лир и с другим будущим пэром Англии, Томасом Бэрингом, впоследствии лордом Нортбруком: в качестве гостя Нортбруков Лир отправится в путешествие по Индии и Цейлону.

Но в целом светское общество удручало артистичного и свободолюбивого молодого человека. В дневнике он пишет, что его «чертовски» раздражает однообразный, бесцветный язык высшего общества. А в письме признается: «Всеобщая апатия, царящая в высшем обществе, ужасно меня раздражает. Мне ничего так не хочется, как от души посмеяться или попрыгать на одной ножке по здешней величественной галерее. Однако я не смею этого сделать»¹. Куда свободнее Лир чувствовал себя с детьми — по его словам, «верными друзьями и ценителями прыганья на одной ножке»². То, чего нельзя было сделать в реальности, он осуществляет на бумаге. Развлекая детей из Ноусли-Холла, молодой художник рисует забавные картинки, на которых смешные человечки, порой очень похожие на автора, и приплясывают, и прыгают, и ведут себя так, словно строгих требований этикета не существу-

¹ Перевод Н. М. Демуровой.

² Перевод Б. В. Архипцева.

ет. К картинкам Лир придумывал веселые подписи, язык которых никак нельзя назвать «однообразным и бесцветным»: каламбуры, неожиданные созвучия, провокационная орфография и забавные новые словечки приводили в восторг его юных приятелей.

То, что нравилось детям, — неожиданно понравилось и взрослым. Один из гостей графа подарил художнику редкую книжку — «Приключения 15 джентльменов», в которой тоже были веселые картинки и стихи: забавные происшествия сочетались с радостной игрой неожиданными созвучиями, свойственной английскому детскому фольклору. Именно эта книжка помогла поэтическим забавам молодого художника обрести знакомый нам вид лимериков. Все его первые нонсенсы — это пятистишия с неизменной строгой рифмовкой и четким, словно приплясывающим ритмом. Жесткость, неизменность структуры не мешала свободе самовыражения; напротив, предсказуемость формы провоцировала непредсказуемость, нелепицу содержания, так как не событие требовало себе подходящих рифм, а наоборот — рифмы порождали событие. Потому и называл Лир эти стишки — nonsense rhymes, «бессмысленные рифмы», или просто — нонсенсы. Вот как Лир вспоминает об этом в предисловии к расширенному изданию «Книги нонсенса»: «Много лет назад, в те дни, когда жизнь моя протекала в основном под крышей некоего сельского дома, полного детей и веселья, один высокочтимый друг предложил мне стишок, начинающийся строкой „Был один старичок из Тобаго“, в качестве

стихотворного образца, открывающего безграничный простор для фантазии в изобретении стихов и картинок, и с тех пор большая часть оригинальных рисунков и стихов для первой „Книги нонсенса“ стекла с моего пера без малейшей посторонней помощи, но при шумных проявлениях восторга и радости от появления каждой новой бессмыслицы»¹.

Когда нелепых стихов и рисунков собралось немало и Лир решил издать их, он сделал это под именем Дерри из Дерри. Годы, проведенные молодым художником в гостеприимном имении графа Дерби, явно угадываются в псевдониме и стихотворном посвящении: старый Дерри из Дерри любит, когда дети веселятся, и дарит им книжку, читая которую они трясутся от смеха! В поэтическом посвящении книга (book) зарифмована со встряской — и это знаменательно («And with laughter they shook» — «И от смеха они затряслись»). Лир предлагал веселые нелепицы, которые помогут встряхнуться, отказаться от необходимости искать во всем смысл и пользу, посмотреть на несуразности жизни смеясь. Он предлагал те самые «интеллектуальные каникулы», которые были одинаково нужны и детям, и взрослым. И хотя Дерри назван старым, на картинке, открывающей издание, изображен молодой человек, прыгающий на одной ножке, в окружении ребятишек, столь же радостно подпрыгивающих, а один из них даже стоит вверх ногами.

Дерри из Дерри — этот псевдоним породит забавные недоразумения. Некоторые читатели были готовы признать, что автором книги был сам лорд Эдвард, граф Дерби, и когда третье издание «Книги нонсенса» выйдет уже под именем Эдварда Лира, они решат, что Эдвард Лир — это тоже псевдоним, потому что фамилия Лир (Lear) — это анаграмма титула «граф» (Earl). В предисловии к переизданию «Книги нонсенса» Лир вспоминает (или придумывает?) случайно подслушанный спор об авторстве этой книги:

«„Неужели вы не знаете, кто ее написал?“ — спросил джентльмен. „Да вот же имя — Эдвард Лир“, — сказала одна леди. „Ах! — сказал первый собеседник. — Так только напечатано, но это всего лишь прихоть подлинного автора, графа Дерби. Эдвард — его имя, а LEAR (Лир), как вы видите, это тот же EARL (граф), только с переставленными буквами“. — „Но, — заметила леди несколько

неуверенно, — здесь и посвящение имеется — правнукам, внучатым племянникам и племянницам Эдварда, тринадцатого графа Дерби, от автора — Эдварда Лира“. — „Всего лишь, — парировал тот, — ловкая мистификация; уж я-то знаю, что вся книга сочинена и проиллюстрирована лордом Дерби самолично. А такого человека, как Эдвард Лир, вообще нет“. — „Да, — сказала другая леди, — но некоторые мои друзья утверждают, что знакомы с мистером Лиром“. — „Заблуждение! Полное заблуждение! — воскликнул пожилой джентльмен, раздражаясь оттого, что ему противоречат. — Я знаю, о чем говорю, заверяю вас, никакого такого Эдварда Лира не существует!«¹

Но это будет позднее, а пока Лир рисует животных в зверинце Ноусли-Холла — и его с детства слабое зрение стремительно ухудшается. А для работы над зоологическими изданиями зрение требовалось особенно острое: в анималистической иллюстрации ценилась точность деталей. Лир горько шутил, что скоро единственной птицей, которую он будет способен разглядеть, останется страус. Но когда в компании домочадцев лорда Стенли художник отправился в путешествие, то открыл для себя новое творческое поприще — пейзаж. Красота вересковых пустошей и озер очаровывает его. При этом в изображении ландшафта Лир так же точен в деталях, как и в зарисовках животных, потому и именуется «топографическим пейзажистом». Чтобы совершенствовать свое искусство, он посту-

пает в лондонскую Академию искусств Генри Сасса, но потом (при активном содействии графа Дерби, который снабдил и средствами, и рекомендациями) уезжает в Италию. Там Лир продолжает обучение пейзажной живописи, а вскоре и сам может давать уроки рисования — и тем пополняет свой бюджет. Вот как он пишет об этом: «В 1835 или 1836 году, побывав в Ирландии и Озерном краю, я начал все больше склоняться к пейзажу, и, когда в 1837 году стало понятно, что с каждым месяцем мое здоровье ухудшается из-за английского климата, я отправился за границу, провел несколько зим в Риме и в 1841 году, приехав в Англию, опубликовал альбом литографий „Рим и его окрестности“».

1846 год стал для Лира знаменательным по многим причинам. Сразу несколько важных для него книг увидело свет: опубликовано первое издание «Книги нонсенса» («A Book of Nonsense»), выходит альбом «Подборки из зверинца в Ноусли-Холле» с его рисунками и два тома «Иллюстрированных путешествий по Италии», в которых иллюстрации сопровождаются подробными картами и путевыми заметками автора. Лир приглашен ко двору, дает уроки рисования самой королеве, о чем он тоже упоминает в письме — весьма сдержанно и с достоинством: «В 1846 году давал уроки рисования королеве Виктории — благодаря тому, что Ее Величество видела мои книги об Италии, опубликованные в том же году». В этом году в Ирландии разразились голод и эпидемии, и Лир смог послать туда крупную сумму.

Дальнейшая биография Эдварда Лира щедра на впечатления и скупа на перемены. Он продолжит путешествовать, рисовать, сочинять забавные стихи, выпускать книги и щедро тратить то, что заработал, на помощь людям. «Словно осел, я отдал все, что у меня было, так что теперь у меня ничего не осталось. Одна из моих сестер ужасно бедна, другая отправляется в Новую Зеландию, а еще одной необходимо красное вино, ибо она больна и пр. Признаюсь, что деньги мне нужны только для того, чтобы их раздавать»¹, — сетовал он в письме к другу.

Странствовал Лир прежде всего в юго-восточном направлении: вероятно, того требовало здоровье, слабые легкие, а может быть, душа его рвалась к солнцу, как у его поэтического двойника — дяди Арли. Скорее всего, и то и другое. Он объездил Средиземноморье и Адриатику, исследовал материковую часть и многочисленные острова Италии и Греции, Французскую Ривьеру, побывал на Мальте и в Египте, в Константинополе и Палестине, а в 62 года совершил путешествие по Индии и Цейлону. «Человек — не картошка, чтобы сидеть на одном месте», — иронично объяснял Лир свою тягу к странствиям.

Путешествия в те времена были куда менее комфортными, чем сейчас, сопряжены не просто с трудностями, но и с риском. И дело не только в отсутствии во многих местах достойного жилья и элементарных удобств (раскладную кровать Лир возил

с собой). Средства передвижения часто были ненадежны, неудобны и непредсказуемы: корабли задерживались, повозки ломались, ослики упрямылись и брыкались, верблюды неистово кричали. Маршрут приходилось менять и даже отменять из-за наступавшей непогоды, порой свои коррективы вносили землетрясения, далеко не всегда местные жители были доброжелательны, встречались и грабители. А путешествовал Лир не налегке: художнику нужны и краски, и мольберт, за время странствий собирались эскизы и готовые работы... Но, несмотря на трудности, его, как истинного романтика, неизменно влекли экзотические края. Чуткий к красоте, он стремился поделиться ею с другими. Утоляя любопытство тех, кто не мог путешествовать сам, Лир заранее принимает заказы на пейзажи, год за годом публикует свои «дневники художника», меняя им географические названия: «Дневник пейзажного художника в Греции и Албании» (1851), «Дневник пейзажного художника в Южной Калабрии» (1852), «Виды Ионических островов» (1863), «Дневник пейзажного художника на Корсике» (1869).

Во времена, когда фотография еще не была распространена, он мог с невероятной точностью передать разнообразие творений природы и рук человеческих. Его акварели, литографии и картины запечатлели невероятные ландшафты, диковинную растительность, знаменитые архитектурные шедевры и простые постройки местных обитателей. Но пейзажи Лира — это не просто документальная фиксация реальности. Чаще всего это вид сверху или

издалека. Величественные горы, недвижная водная гладь, безграничный простор создают ощущение покоя и умиротворения. На полотнах Лира люди кажутся органичной частью этой гармонии: маленькие фигурки в колоритных одеждах.

Иное дело — путевые заметки, в них люди даны крупным планом. Кажется, они то ли сошли со страниц «Книги нонсенса», то ли готовы туда отправиться.

Так, деликатный почтмейстер из Албании доводит до абсурда гостеприимство и вежливость. Близорукий Лир случайно наступил на конец его непомерно длинной курительной трубки, и хозяин утешает гостя, смущенного этим: «Гибель этой трубки при обычных обстоятельствах действительно могла бы быть огорчительна. Но в друге каждый поступок прекрасен».

Недоверчивый обитатель Южной Калабрии объявляет крыжовник — чепухой. Случилось это, когда Лир был сердечно принят местным семейством, желавшим побольше узнать об «Ингильтерре» (Англии) и «производимых там продуктах». Угощая гостей фруктами, хозяева были явно обескуражены заявлением англичан о том, что в их стране фрукты тоже есть. «Вы же сами признаете, что у вас нет ни вина, ни апельсинов, ни оливок, ни фиг, — развел руками хозяин. — Откуда же у вас могут быть яблоки, груши или сливы? Всем известно, что в Англии не растут и не могут расти никакие фрукты — лишь одна картошка». А когда гости заговорили про крыжовник и смородину, хозяева уверенно возрази-

ли: «Ничего подобного не существует — это вздор и чепуха!» «В молчании мы доедали свой ужин, почти убежденные, что действительно солгали. Никакой смородины не существует. Крыжовник — это беспочвенная фантазия!»

Другой обитатель Южной Италии оказался весьма убежденным противником употребления мяса: «Добрый христианин не должен есть мясо, а почему? Четвероногие всю жизнь трудятся на нас, убивать и съедать их грешно. Овцы дают нам шерсть, вол пашет, корова дает молоко, коза — сыр». Впрочем, полным вегетарианцем он не был и против морепродуктов не возражал: «Что дают нам рыбы? Может ли кефаль пахать? Или креветка — давать молоко? Или тунец — шерсть? Нет! Рыбы, а также птицы сотворены, чтобы мы их ели».

На Корсике Лир встретил пастуха, который решил, «что по нечаянности проглотил двух жандармов! Единственным средством от этой напасти было ничего не есть — чтобы уморить голодом врагов, сидящих у него внутри. Этого средства он придерживался с такой настойчивостью, что чуть не уморил самого себя». К счастью, однажды он решил, что враги «подохли от голода», и вернулся к обычной жизни.

Любая из этих историй с легкостью превращается в лимерик: жил на Корсике (или в Калабрии, или в Албании) странный старик...

А вот неистовый дервиш напоминает персонажа баллад — Донга, из головы которого выдуло последние капли ума, тоскующего, скитающегося по

миру и освещающего его через тысячи дыр. Вот как описана встреча с ним: «Внезапно моя гнусная комната осветилась лучами света, проходившими через громадные дырки в стене у меня над головой. В то же самое время какой-то жужжащий, свистящий звук, сопровождающийся невнятным бормотанием, заполнил мой слух». И звук, и свет исходили из комнаты по соседству, где остановился дервиш. «Притаившись за стеной и немного побаиваясь своего эксцентричного соседа, размахивавшего по комнате своей палкой с медной ручкой, я ждал, чем же кончится это необыкновенное представление». К счастью, «благочестивые гимнастические упражнения» длились не слишком долго, дервиш уснул — и Лир тоже смог отдохнуть. Тот, кто издали казался колоритной деталью пейзажа («высокие остроконечные шляпы из фетра и черные хламиды», которые носили дервиши, добавляли очарования мирным равнинам), — оказался весьма докучным и беспокойным соседом.

В переписке с друзьями Лир еще чаще и острее, чем в путевых дневниках, отмечает контраст того, как по-разному выглядит мир — издали и вблизи, снаружи и изнутри.

В письме к леди Уолдгрейв, заказавшей ему в 1858 году виды Святой земли, Лир так описывает Иерусалим: «Снаружи он полон меланхолической славы, изысканной красоты и истории всех минувших веков. Каждая точка заставляет представить себе тускло мерцающие останки прошлого». Но, оказавшись на улицах города, он восклицает: «О мой

нос! О мои глаза! О мои стопы! Как все вы страдали в отвратительном сем месте! Ибо, позвольте мне сказать, физически Иерусалим — грязнейшее и мерзвейшее место на земле»¹. Но не только «физическая» грязь удручает Лира: «Горькая и скорбная судорога души поражает вас на его улицах, и воспоминания о его обличье суть только страшные сны убожества и грязи, шума и тревоги, ненависти и злобы и всяческой жестокости». В местах, называемых «святыми», контраст между величием природы и неблагополучным устройством человеческой жизни особенно разителен.

Двумя годами ранее, в 1856 году, Лир совершил путешествие на Афон, отметив то же самое противоречие. «Как бы ни были ошеломительно прекрасны горные виды, я больше не вернусь туда ни за какие деньги — такой угрюмой, вопиюще неестественной, замкнутой, лживой и удушливой показалась мне атмосфера этого монашеского гнезда», — пишет он Чичестеру Фортескью. Обитатели Святой горы, монашеское братство на которой создавалось как наднациональное служение во имя Единой Церкви, поразили тем, что в них «нет ни малейшего сочувствия или интереса ни к одному из разумных существ какого бы то ни было народа, сословия или возраста». Но больше всего изумило Лира отношение к женщине в местах, почитаемых как земной удел Богородицы: «Та половина человеческого рода, которую для каждого из нас естественно лелеять

¹ Перевод Н. Зингера.

и любить более всего, здесь полностью изгнана, за-
прещена, ненавидима». То, о чем сокрушается Лир,
можно обозначить как романтический конфликт,
столкновение идеала и действительности: «Божий
мир и Божий план перевернуты вверх ногами, из-
вращены и окарикатурены», — пишет он. И награж-
дает отшельников выразительными определения-
ми: «мракобесные, малокровные, монотонно мям-
лющие, многомолитвенные, мироненавистнические,
мясобязненные, мармеладоядные, мизантропиче-
ские, мутные и мерзкие монахи!»

Лир постоянно прибегает к иронии, в которой
романтики давно видели единственное средство
снятия мучительных противоречий, возможность
дистанцироваться от неидеального мира. Романти-
ческая ирония — это не просто насмешка над несу-
разностью обывательского существования. «Она, —
пишет об иронии Ф. Шлегель, — самая свободная
из всех вольностей, ибо благодаря ей можно воз-
выситься над самим собой, и в то же время зако-
номерная, ибо она безусловно необходима. Весьма
хороший знак, что гармоническая банальность не
знает, как ей отнестись к этому постоянному само-
пародированию, когда вновь и вновь нужно то ве-
рить, то не верить, пока у нее не закружится голова,
она не станет принимать шутку всерьез, а серьез-
ное считать шуткой». Романтическая ирония поз-
воляет подняться не только над несовершенством
обывательского мира, но и над ограниченностью
собственных потенций.

Потому неудивительно, что главным объектом
24 иронии и веселых перевертышей в письмах Лира

оказывается он сам. Так, иронизируя и над придворной иерархией, и над своим положением, он пишет Фортескью, давнему другу, ставшему президентом Тайного совета и лордом — хранителем малой печати, что собирается «писать к премьер-министру Палмерстону, чтобы тот походатайствовал перед Ее Величеством Королевой, дабы та попросила короля Греции назначить его „Лордом — Хранителем Государственной Глупости и Верховным Вздорослагателем“». Ранее Лир собирался хлопотать, чтобы канцлер казначейства Гладстоун назначил его «Верховным Перипатетическим Ослом и Главным Белибердяем».

В другом письме Лир сообщает, что готов использовать собственную голову в качестве полотна, дабы украсить ее любимыми цветами: «Я написал целые тома всякой чепухи, у меня ужасная физиономия, борода у меня седеет, а волосы выпадают, и когда я стану совсем лысым, я возьму и разрисую свою лысину зелеными и синими полосками...»

Он может подтрунивать и над своим внешним видом, и над здоровьем, и даже над мучительно переживаемым одиночеством, играя словами, создавая причудливые образы и гиперболы.

«Приеду ли я в Англию на следующий год или нет — сие скрыто в Омгле не из Веснова. Здоровье сносно, но мне в мае стукнуло 60, и я чувствую, что старею. Подниматься и спускаться по лестнице мне уже не так легко. Я мечтаю жениться на какой-нибудь приличной птице, построить с ней гнездо на одной из моих развесистых олив и поселиться там

на всю оставшуюся жизнь, спускаясь на землю лишь в самых экс-драных случаях» (Сан-Ремо, 1871).

«Я очень огорчился, узнав о твоём нездоровье. Что касается меня, то я сегодня уже не лежу, а сижу в постели. Каждые три часа я принимаю лекарство, и кашель, который тряс меня так, что оторвались палец на левой ноге, два зуба и три бакенбарда, теперь, слава богу, немного утих» (Сан-Ремо, 1886).

«И ни минуты отдыха! Когда же наконец можно будет сложить крылья и предаться тому, о чем нам твердит внутренний голос: „Нет счастья, кроме покоя“? Боюсь, что не в этом мире, и мечтать о том бесполезно — как о рабочей мастерской, днем и ночью освещенной полярным сиянием» (Лондон, 1869).

Ироничные сравнения, которыми изобилуют письма Лира, заслуживают особого внимания. Они — еще одно свидетельство чудесного дара подмечать сходство, казалось бы, далеких явлений и превращать трагедию — в фарс. Даже полная безысходность у Лира может стать смешной:

«Я считаю мои усилия тщетными — совершенно тщетными, как сказала мышь, когда забралась на самый кончик церковного шпиля».

«Веселее! — как говорила улитка плакучей иве».

«Это непоправимо, как отвечал Носорог, когда ему сказали, что у него толстая кожа».

«Я не знаю всех своих способностей, как сказала

26 Устрица, когда ее спросили, умеет ли она летать».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Астафьева.</i> Эдвард Лир — «лауреат нонсенса»	5
Об авторе этой книжки	83
Лимерики о людях странных, домоседах и странниках	85
Про то, как Стол и Стул отправились на прогулку . . .	160
Метла, Совок, Кочерга и Каминные Щипцы	163
Джамбли	165
Донг С Фонарем На Носу	169
Поббл Без Пальцев Ног	174
Лимерики о людях сумасбродных и отважных, о питомцах и питании	178
Папашина азбука	247
Лимерики о превратном понимании и превратностях судьбы	252
Ботаника	290
Баллада о Великом Педагоге	296
Сватовство Йонги-Бонги-Боя	297
Баллада о Кренделе Йоке	302
Крапчатая песенка	305
Эклога ворчливая	307
Дядя Арли	313
<i>Г. Кружков.</i> Рассказ по картинке: о лимериках Лиры и точном переводе	315

Лир Э.

Л 62 Книга чепухи : стихотворения / Эдвард Лир ; пер. с англ. Г. Кружкова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 336 с. : ил. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-20756-1

Эдвард Лир — замечательный английский поэт, автор многочисленных и всеми любимых лимериков. Будучи успешным художником, который давал уроки самой королеве Виктории, он начал писать стихи и вошел в историю как создатель нового литературного жанра, до сих пор имеющего многочисленных поклонников и подражателей. Легкая, шутивная, игровая поэзия Лира оказала самое серьезное влияние на литературу: его творчеством вдохновлялся Льюис Кэрролл, его называл в числе своих любимых авторов Даниил Хармс, лимерики сочиняли даже Киплинг, Голсуорси и Джойс, да и в творчестве таких поэтов, как Олег Григорьев и Генрих Сапгир, немало от Лира. Олдос Хаксли писал: «Мало чьи сочинения я читаю больше чем однажды, и конечно, среди таких авторов Эдвард Лир. Нонсенс, как и высокая поэзия, с которой он весьма тесно связан, как и философские построения, как и всякое создание нашего воображения, отстаивает духовную свободу человека перед лицом всех угнетающих обстоятельств». Свобода, гармония с собой, принятие жизни во всех ее проявлениях, подчас парадоксальных и абсурдных, — вот в чем пафос поэзии Лира и ее непреходящее значение. В настоящем издании стихотворения Э. Лира печатаются с рисунками автора и в переводах Григория Кружкова.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-5

Литературно-художественное издание

ЭДВАРД ЛИР

КНИГА ЧЕПУХИ

Редактор Алла Степанова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Татьяна Раткевич

Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Екатерины Мишиной

Компьютерная верстка Валентины Дик

Корректоры Татьяна Бородулина, Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.01.2022. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 13,5. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-PTR-29660-01-R